

Что мир теней, что мир снов были затоплены намного сильнее, чем материальный мир, но это совсем не значит, что затонувшие миры теряли какие-то свои особенности. Тень всё ещё оставалась тенью, сон — сном, как и его жители так сразу не теряли свои индивидуальные особенности, часто даже наоборот — становились в своей стезе сильнее, могущественнее, выходя за любые возможные рамки и границы.

Все ограничения лишь у нас в голове.

Океан был эфемерным, он проникал в миры неспешно, я бы даже сказал — нежно. В тот момент, когда жители тех или иных плоскостей начинали понимать, что тонули, становилось уже слишком поздно. Кто-то об этом может не знать, до последнего оставаясь в счастливом неведении, кто-то, считая проклятье за благословение, намеренно погружается ещё глубже в мечты и желания, кто-то просто игнорирует это и считает данностью.

А кто-то противится, пытается сбежать, уничтожить проблему, до ужаса боится её, понимая, с чем может столкнуться. Осознавая, что окажется на такой глубине, из которой уже не сможет подняться. Будь то сознательный страх или чисто инстинктивный.

И это был тот случай.

Во многом сон был похож на нулевую глубину. Мысль формировала и определяла действительность, всё остальное было лишь произвольным. Умея направлять и контролировать свои мысли, образы, в мире снов я чувствовал себя как бы не более комфортно, чем в океане. К сожалению, всё многократно усложнялось тем, что это был чужой мир. Не только из-за того, что у меня не было, не считая Пита, полноценного проводника в чужой реальности, который смог бы управлять специфической зыбучей силой сна, но и потому, что это банально была не моя территория, а территория отождествившейся твари, где буквально всё и вся было моим врагом.

Заклѹчѣнное внутри комикса существо не было человеком. У этой твари не было конкретного образа, каждый образ воплощал собой тварь, и на первый взгляд может показаться, что при таких условиях я чисто физически не мог победить. Только вот на практике всё оказалось проще: так как у твари не было конкретного образа и оно представляло собой ВСЁ, чтобы победить, мне нужно было уничтожить это самое «ВСЁ».

Тот же факт, что мир снов был затоплен силой океана, давал мне ключ.

Где я представлял собой один конкретный структурированный образ, тварь расплывалась на каждый материализованный во сне объект. А так как оно чисто физически не могло меня по-настоящему убить, кроме того — до ужаса боялось моей отравленной океаном сущности, от которой, я уверен, шли десятки отголосков теней тени от тени моих друзей, ситуация получалась крайне комичной.

Конечно же, сука, я умираю. Умираю, умираю, умираю, умираю...

Пространство внутри пруда постоянно менялось. Передо мной появлялись сотни и тысячи объектов, менялись и формировались десятки и сотни пейзажей. Будь то огромная гора, с которой на меня шла лавина, или образ чёрной дыры. Всё менялось слишком быстро, порой физическим телом я и моргнуть не успевал, проходя через десятки различных образов. Я умирал так часто и так быстро, что в какой-то момент мне показалось, что я потерялся во времени. В какой-то момент возникло ощущение того, что моё сознание — сторонний наблюдатель, который управляет одновременно несколькими телами в разных веточках, выбирая наиболее предпочтительный.

Правда, наваждение быстро спало.

Уверен, чаще всего я умирал даже не от силы запертого в даре океана создания, а от банального перенапряжения. Если моё чистое сознание ещё выдерживало происходящее, адаптируясь, то мой мозг, нервная система — они просто, несмотря на свою аномальную развитость, не поспевали за происходящим. Мои мысли и желания преобладали на такой глубине, всегда существовали веточки, где я умудрялся поддерживать баланс, оттягивая на доли секунды свою смерть, фактически «предугадывая» каждое следующее действие отождравшейся твари.

Я становился жертвой мегалодона где-то далеко за пределами суши? Значит, я сразу же появлялся в подводной лодке, уже готовой пустить торпеды.

Я становился жертвой мафии где-то в ночном городе? Значит, я сразу же появлялся в компании готовых к действиям военных на танках.

Я становился жертвой банановой кожуры? Святая Мария, черти драли эту тварь, я просто не наступал на смертельную ловушку!

Мои ручные уродцы в том числе мне помогали. Они стали для меня щитом. Инопланетный уродец покрыл всё моё тело с головы до ног, фактически превратившись в живой биологический экзоскелет, который не давал моему телу упасть от перенапряжения, когда моя тень защищала уже самого инопланетного уродца. Мои ручные твари просто не успевали реагировать и осознавать происходящее, сосредоточившись на попытках меня защитить (должен заметить, не слишком удачных). Пит же, когда я оказывался совсем уж в мозголомающих образах, выступал для меня глазами.

Он был единственным существом, который действительно имел отношение к миру снов, и который мог направить меня там, где я не мог сам найти или создать нужный путь.

Лиминальные пространства. Теперь, блять, я их ненавижу до глубины души.

Я не знаю, в какой момент начал брать верх. Просто в какой-то момент понял, что образы стали повторяться, что они стали намного легче отступать, что само пространство дрожало, и я точно мог сказать, что это было всё усиливающееся отчаяние. Я резал эту сущность, подрывал, отрывал куски сущности, принеся в самый центр этого запертого в комиксе создания хаос и разрушения, наполняя всё своей проклятой силой.

Каждая моя смерть делала меня капельку сильнее. Каждый раз моё сознание на какие-то доли мгновения вновь окуналось в океан, проносилось сквозь пространство и время, забирая из несуществующей вселенной чистую информацию, переноса её в существующее отражение, которое впоследствии оказывалось таким же несуществующим.

Я уже мог уловить момент, куда происходил переход, и отправиться дальше, ещё до момента, когда не прыгнул в пруд. Мог даже попробовать вернуться в тот момент, когда стилига должен был прикоснуться к этой дряни и предотвратить это.

К сожалению, в таком случае это будет значить, что все мои действия потеряют свою ценность. Встречи с нуарной красоткой не будет, мой личный кошмар, который сейчас помогал мне, не сможет сожрать пойманный кошмар, а значит — не станет сильнее. Наконец, ни Гаррикс, ни Чарльз не будут мне должны. Всё станет тленом, лишь знанием о том, чего никогда не было.

Это было в потенциале слишком невыгодно.

Моей и старого урода целью было создать идеальную ветвь, буквально изменить уже давно predetermined судьбу целой расы. И для этого нужно было стараться идти до конца, искать самые выгодные веточки и, насколько бы они тяжелыми не были, проходить через них. И лишь доходя до конца, понимая, что дальше идёт непроходимая стена, которую просто невозможно разрушить, возвращаться назад и идти в обход, продолжая накапливать опыт и силу.

Так поступал Мистер Стивенсон, многомерный ублюдок, по такому же пути шёл и я, что, если честно, чем больше проходило времени, тем сильнее наводило меня на странные мысли.

Пусть я умру тысячи, сотни тысяч, миллионы раз. Всё окажется лишь обманом, знанием о том, чего никогда не было. Важен лишь конечный результат, становление живым примером систематической ошибки выжившего. Я никакой не мученик, не герой и не жертва. Обычный ублюдок, такой же уродец, тварь, как и остальные создания океана, которого он таким же образом поглотил.

И я собираюсь использовать свою силу на возможный максимум, чтобы выйти на самую лучшую для себя концовку, через какой бы Ад мне или встречным на моём пути существам не пришлось пройти. Потому что я грёбанный самовлюбленный эгоист, который хочет для себя лишь самого лучшего, кладя гигантский болт на остальных.

Я не был Мистером Стивенсоном и не собирался делать всё сам, разгребая любое мало-мальски крупное дерьмо, которое закончится из-за моего, чужака, вмешательства ещё более крупным дерьмом, но собирался немного помочь подняться коренным жителям, чтобы впоследствии они сами могли всё решать и пойти ещё дальше. Я же позволю себе остаться на задних ролях.

Получится ли таким образом у меня обмануть метафизический механизм абстрактной судьбы — вопрос уже совсем другой. Не получится?

Значит, нам со старым ублюдком придётся думать дальше, искать иные способы потянуть за ниточки чего-то настолько масштабного. В любом случае, настолько беззащитным перед ним я уже не буду. Он — мой самый могущественный союзник, херов опекун, и вместе с этим — самый ненавистный враг.

Главное в процессе окончательно не сдохнуть. Вероятность этого, к сожалению, крайне высокая.

— Никогда бы не подумал, что смогу осмыслить столько всего, умирая... — фыркнул я. — Мы победили, оно отступило. Теперь точно.

Моя тень перестала покрывать меня, отступив. За ней последовал Редди, с опаской приняв свою привычную форму. Судя по тому, насколько лениво он двигался, даже многомерная жижа устала от всего того, что тут происходило.

Они и понятия не имели, что здесь происходило на самом деле.

— Мистер Фишер, сэр, предусмотрен ли в нашем трудовом договоре отпуск?

— У нас нет никакого трудового договора, отпуск не предусмотрен.

— Я так и думал, босс. Самый обычный трудовой договор.

Редди, широко оскалившись, с интересом осмотрел меня.

— Выглядите бодрым, Мистер Фишер.

Пространство вокруг перестало существовать. Лишь чистая зыбучая неоформленная энергия, в центре которой собрался последний оформленный образ, словно светящаяся точка внутри непроглядной тьмы. Тварь не была уничтожена полностью, но я нанёс ей так много энергетических повреждений, что она, хотела того или нет, погрузилась в ещё более глубокий сон, чем тот что был до этого.

Всё-таки, надеюсь, что мир нуарного комикса останется цел. Или, по крайней мере, что он восстановится и в будущем меня будет ждать в нём нуарная красotka.

Какая, сука, у меня важная причина сохранить чужой маленький мир.

— Да? — моргнул удивлённо я, действительно чувствуя себя удивительно хорошо.

Дышать было легко, в теле была приятная бодрость, ничего не болело. Хотя, я уверен, до того, как прыгнул в пруд, моему телу было очень хреново.

Истерично хихикнул, взглянув в небольшое зеркальце. И действительно: я выглядел хорошо. Здоровый цвет кожи, весь чистый, ухоженный, глаза аж сияли.

Всё-таки, психическая энергия, океан, мечта, взяли верх над материей. И я не могу сказать, что рад этому.

— Мечта окончательно стала реальностью, — цыкнул я, развеяв зеркало.

— Сэр, разве вы не должны быть довольны этим?

Я не ответил на этот вопрос, уставившись на светящуюся точку. Личную мечту стилиаги. Тварь легко заманила его в свои сети. Пока он предавался бы сладкой мечте, вырвавшаяся из ловушки тварь бы в его теле пошла приносить в «высший» мир свои порядки.

Обычный понедельник. А если бы эта тварь навредила малышке Мэри?

Нахмурился, помотав головой.

Кажется, все эти смерти не прошли просто так и моё сопротивление чему-то стало сильнее. К сожалению, этого всё ещё недостаточно.

Дав ещё немного времени мыслям устаканиться, с садистской улыбкой уставился на мечту нуарного стилиаги. В руке словно сама по себе появилась бита с гвоздями. Существа слишком легко поддавались на такое, и меня это инстинктивно раздражало.

— Уничтожение чужой фальшивой мечты. Что может быть приятнее?

Сам не заметил, как моя улыбка превратилась в оскал.

Только было выползший Шеди тут же спрятался, задрожав. Пит и не думал отсвечивать. Лишь клоун, старший сотрудник и фактическая права рука-жижа, важно покивал.

— Конечно, босс!

Мои предположения оказались верными: последняя уничтоженная мечта была остатками воли твари, после которой потерянного стилигу больше ничего не держало, и он в этой борьбе душ оказался победителем. Выкинуло из сна-тюрьмы нас своеобразно, на миг возникло ощущение попадания в странную воронку, после чего мы оба кубарем вылетели из комикса, едва не устроив в кафешке погром.

Словом, прийти нам в себя особо не дали.

— Святая Мария, мои глаза!!!

Мой вскрик синхронизировался с ругательствами Чарльза. Как и я, он схватился за глаза, попытавшись избавиться от того надругательства, с которым нам пришлось неожиданно столкнуться. Всё было слишком ярким, слишком слащавым, каким-то приторно-розоватым, словно нам в глаза навалил кучу сказочный единорог.

Возможно, это не худшее, что я видел, но контраст на почве чёрно-белого мира был настолько сильным, что наши глаза чуть не превратились в желе. Потребовалось несколько минут, чтобы просто проморгаться и установить стабильную связь с реальностью.

— Этот мир всегда был таким?

Вопрос хмурого стилиги на секунду поставил меня в тупик. Я даже не сразу обратил внимание на то, как выглядел сам майор.

— Приятель, не уверен, насколько это сейчас уместно, но ты немного посерел.

Чарльз, злобно зыркнув на меня, почему-то не оценив мой своеобразный перформанс по спасению, уставился на свои руки. В обычном случае это было бы слабо заметно, однако сейчас не заметить изменений в стилиге было невозможно: цвета вокруг него поблекли. Мутные зелёные глаза майора потемнели так сильно, словно они были чёрными.

— Вот же дерьмо... — простонал мужчина.

Комикс, как ни странно, мы сперва не нашли. Пока майор не полез за пазуху и не достал его, явно не ожидая найти там эту хреновину. Очевидно, так просто избавиться от сомнительного аксессуара он не сможет.

— Пустишь меня как-нибудь погостить к той чёрно-белой красотке? — заговорщицки поинтересовался я. — Не сейчас, лет через пять-шесть. В долгу не останусь, приятель.

На меня зыркнули ещё более злобно.

— Этот мир всегда был таким, Фишер?

Я перестал строить из себя Редди-Пинкла, задумчиво осмотревшись. Конечно же он...

Не был?

Был?

И что это за чувство такое, будто на меня что-то смотрит?..

Я нахмурился, наведя пистолет себе на голову. Выстрелил.

Реальность мигнула.

— Нет. Скорее всего он таким не был. То, о чём я говорил, а? Меня удивляет, что ты заметил это, Чарльз.

Пока умирал, подметил, что на бесконечно маленький (скорее всего, субъективный) промежуток времени прочищаю свои мозги от разного дерьма. Скажем так, у меня было достаточно практики, чтобы наловчиться использовать этот миг. Не панацея, к сожалению.

Чарльз устало потёр переносицу.

— Вот же дерьмо...

— Единорога.

— Заткнись, демон.

— Не забывай, что ты мне должен будешь ещё купить сладости, чувак, — довольно улыбнулся я.

Мужчина что-то нечленораздельно пробормотал, видимо, уже подсчитывая свои будущие расходы.

Не слишком придавая значения пустому кафе, мы, не без моей помощи, вышли наружу, субъективно заливнув на минуточку-вторую. В небе на нас смотрела гигантская радуга, по небу летали те самые единороги. С крыльями. Как ни странно, была ночь, виднелась луна (почему она такая большая, сука?), но яркость была такая, словно был день. То есть, ночь, звёзды, а свет дневной.

— Этот мир всегда был таким?

Вопрос стилиаги заставил мои мозги заскрипеть. Я почесал голову, наведя пистолет на голову.

Реальность мигнула.

— Не думаю.

Словно туристы, мы с круглыми глазами гуляли по городку. Вскоре стали наткаться на людей. Все счастливые, с широкими улыбками на лицах, они были с разноцветными волосами и глазами. Чёрный с жёлтыми волосами и голубыми глазами? Это самое меньшее, что нам пришлось увидеть. Про одежду и говорить нечего — самая разная, самая выбивающаяся из общего вида и стиля.

Каждый встречный человек вежливо здоровался с нами, желая нам хорошего дня Мэри.

— Каждый день в Стивенс-Пойнте — день Мэри? — переспросил я.

— Каждый день Мэри в Мэри-Пойнт? — переспросила с широкой улыбкой женщина.

Она была в костюме барсука. Её эмоции ощущалась абсолютно искренними. Она не формально

улыбалась и действительно была счастливой. Каждый встречный человек.

Мы с Чарльзом переглянулись.

— Да.

Стиляга наклонился к моему уху и тихонько поинтересовался, было ли так всегда. Я чувствовал, как мои мозги закипали всё больше и больше. Ни Шеди, ни Редди, ни Пит не имели ни малейшего представления о том, нормально ли происходящее. Ещё и на краю сознания возникало такое чувство, будто за нами что-то наблюдает.

Такое, огромное, древнее, неопишное, сводящее с ума от одного своего вида даже такого психа, как я.

Кажется?

Навёл пистолет на голову.

Реальность мигнула.

Отрицательно помотал головой. Неуверенно.

— Мы поняли, — скупно кивнул майор. — Благодарю вас.

— Счастливого вам дня Мэри! — попрощалась с нами женщина в костюме барсука.

Стоило нам немного отойти, как Чарльз достал сигареты и попытался закурить, но...

— Я ведь не курю? — неуверенно пробормотал мужчина, сомневаясь в этом утверждении. — Да, это ведь такая гадость...

Я с Чарльзом согласился.

Нам срочно нужно было связаться с Гарриком. Его запасной номер я знал, так что сделать звонок для меня проблемой не было. Старый исследователь Совета ответил практически моментально.

«...Счастливого дня Мэри!»

— Счастливого дня Мэри, — рефлексивно ответил я. — Гаррик, это мы.

Профессор был, мягко говоря, удивлён. Каким-то образом они там все напрочь забыли про нас, сосредоточившись на подарках для малышки Мэри. Понять их можно было, в конце концов, это же Мэри, поэтому обиды ни я, ни Чарльз не держали, решив сосредоточиться на насущном. Профессор был немного недоволен тем, что мы совсем не подумали про подарки для Мэри, однако согласился, что у нас хватало и своих проблем.

Стало даже немного неудобно. Как это мы так могли забыть?

После того, как мы договорились встретиться, позвонил родителям. Ожидал, что они будут очень сильно переживать, но, к счастью, они были, как и почти все жители города, слишком заняты подготовкой к коронации малышки Мэри. Попросили меня слишком долго не гулять и поскорее возвращаться.

Я, вроде бы, и так уже слегка задержался.

— Коронации?.. — прошептал я, смотря на телефон. — Мы в Великобритании?

— Англичане, — поморщился Чарльз.

Я с ним, как ни странно, вновь согласился. Вне контекста Мэри, конечно же.

— Где находится ваш главный штаб?

Майора мой вопрос удивил.

— Вашингтон. Глупый вопрос. Где ещё, демон?

Справедливо.

— Ты можешь с ними связаться?

— Зачем? — нахмурился стилига. — Ситуация всё ещё под контролем.

Правда?

— Да и коронация Мэри скоро... — согласился неожиданно я. — Думаю, лучше им пока не знать.

Мужчина был согласен со мной. В принципе, думаю, если бы что-то пошло не так, Гаррик давно бы позвал подкрепление. С самим Гарриком и всеми остальными, включая Тома, мы, кстати говоря, встретились уже совсем скоро. Стивенс... То есть, Мэри-Пойнт — обычная провинция, далеко никуда ездить не нужно.

Местом встречи назначили уже привычную кафешку. А где ещё?

— Мы очень рады, что с вами всё хорошо, — широко улыбнулся счастливый профессор. То есть, широко улыбался, ещё на подходе. — Нам как раз нужна ваша помощь! Вы явно устали, и мне стыдно говорить об этом, друзья, но всё ради Мэри! Особенно твоя помощь, Феликс! В конце концов, ты учишься с Мэри в одном классе! Большая удача!..

Захотелось возмутиться. В конце концов, мы действительно устали. Я, пока вытащил стилигу из комикса, сдох раз... а хер его знает! И тут опять что-то делать. С другой стороны, если ради Мэри...

Помотал головой, не расставаясь с внутренним беспокойством. Навёл пистолет. Выстрелил.

Реальность мигнула.

— Мы согласны, — ответил нейтрально Чарльз. — Проклятье, если ради Мэри...

Нет. Что-то неправильное происходит. Ещё раз.

Выстрелил.

Выстрелил.

Выстрелил...

Нет. Всё. Хватит. Я, совсем как обычная малолетка, на грани истерики. Черти драли Мистера Стивенсона, я так в мазохиста превращусь однажды.

— Что я должен сделать? — сдался я.

Внутри меня разгорался огонёк иррационального счастья. На душе потихоньку становилось так тепло, так хорошо, словно я вновь стал маленьким ребёнком. По-настоящему маленьким ребёнком, задолго до того, как оказался в океане. Хотелось утонуть в этом чувстве, дать ему себя полностью поглотить, но что-то во мне противилось этому.

Возможно, злой смех бесчисленных теней тени от тени в голове, в конце концов, психическая энергия? Или собственный злой смех по отношению к самому себе?

Я насмеялся и презирал сам себя? То есть, на самом деле?

С каких пор, сука?..

— Поддерживать и, пусть простит сиятельная Мэри мою наглость, направлять, конечно же! — сказал как отрезал профессор. — В конце концов, она ещё ребёнок, и, насколько бы гениальной, прекрасной, совершенной и исключительной она не была, Мэри всё ещё м-может совершать ошибки!

По профессору было видно, насколько тяжело ему дались эти слова. Словно он боролся сам с собой. Все неодобрительно на него посмотрели.

— Это очень неправильные слова, профессор, — хмуро заметил Томас.

Гаррик покачал головой.

— Я знаю, знаю, мне жаль... Наша будущая Королева в последнее время находится под большим стрессом. Боюсь, Феликс, только такое существо, как ты, сможет помочь ей.

Потёр глаза, собираясь с мыслями. Всеми силами цеплялся за мысль, которую мне транслировали через телевизор двое фальшивых ублюдков. Буквально единственная ясная мысль в голове, с которой у меня не возникало никаких внутренних противоречий.

«...Попробуй нарисовать что-то или кого-то, кто тебе нравится.

— Что?! Как это поможет мне найти сумочку?

— А я откуда знаю, почему ты начинаешь думать только за своими каракулями, дура?!

— Это не каракули!!!»

Сжал кулаки, чувствуя, что пространство вокруг меня задрожало. Сам не заметил, как широко улыбнулся. Не счастливо. Злобно, словно больной, сбежавший из психушки.

Определённо, Мистеру Стивенсону нужно было для начала дать мне какие-то задания попроще, а не сразу макать с головой в дерьмо.

И что, чёрт возьми, смотрит на меня?!